Дирк Беккер

Почему системы?

Посмотрите, куда указывает мой палец.
*Уоррен МакКаллох**

Контроль посредством коммуникации

У систем никогда не было хорошей прессы. Кажется, они ведут к предположению, что в мире больше порядка и разумности, нежели каждый из нас готов допустить и в состоянии объяснить. Идея систем сама по себе, видимо, отдает предпочтение в мире тем, кто ищет способы контроля и методы их мониторинга. Многие думают, что должны существовать скрытые связи между понятием системы с одной стороны и понятием организации с другой, причем не какой-либо организации, а специфически бюрократической и тейлористской. Причиной для подобной точки зрения служит предположение, что системы организуют вещи чуждым для них образом и, более того, делают это посредством неуклюжей, одновременно гегелевской и дарвиновской, комбинации разума и естественного отбора.

Концепт систем и идея системной теории, конечно, связаны с попыткой современного общества наблюдать и контролировать себя. Вопрос, однако, заключается в том, какие идеи относительно контроля поддерживает системная теория. Я хотел бы предложить серьезно поразмышлять о заглавии одной из первых книг

Дирк Беккер — социолог и экономист, профессор университета Цеппелин, Фридрихсхафен. Развивает идеи Никласа Лумана.

Перевод выполнен по изданию: Baecker D. Why systems? // Theory, Culture & Society. 2001. Vol. 18. N. 1. Pp. 59–74.

* Уоррен МакКаллох (1898–1969) — нейропсихолог, нейрофизиолог, теоретик нейросетей и один из создателей кибернетики. Приписываемый МакКаллоху афоризм в полном виде звучит «Не хватайтесь за палец, посмотрите, куда он указывает» и приводится в: Seymour P., Introduction // McCulloch W. Embodiments of Mind. Cambridge, MA, M. I. T. Press, 1965. McCulloch. 1965, p. 28 *(прим. ред.)*.

по системной теории — работе Норберта Винера «Кибернетика, или Контроль и коммуникация в животном и машине». Эту книгу не очень-то легко читать, и довольно часто ее не читают. Тем не менее ее главная мысль проста: по меньшей мере в социальных — если не во всех других — науках, принимающих во внимание фактор времени и взаимосвязь наблюдателя и феномена, нельзя ссылаться на контроль, не говоря о коммуникации. Всякий контроль — это акт коммуникации, который может быть успешным только в той степени, в какой успешна сама коммуникация. Это то, что не удалось увидеть большинству критиков контроля.

Всякое понимание коммуникативной динамики контроля носит деконструктивный характер. Как только мы принимаем понятие коммуникации, утрачивается понятие причинности. Коммуникация означает неуверенность в отношении причины и следствия. Нам следует подождать, пока причины произведут свои следствия, а следствия будут вызваны причинами, коль скоро коммуникация вступает в действие. Коммуникация — это понятие, которое входит в игру, если принимать всерьез высказывание Грегори Бейтсона [Бейтсон 2009], что «причина — не есть следствие». Это означает, что «нечто» должно произойти с причиной, чтобы она произвела свои следствия, и со следствием, чтобы оно было вызвано причиной. Причины должны выбрать свои следствия, а следствия должны выбрать свои причины в мире, характеризующемся одновременно избытком и недостатком детерминации, то есть существованием в нем множества причин и следствий без какой-либо определенной взаимосвязи между ними. Поскольку большая часть явлений, если не все [Luhmann 1990a], так или иначе происходит одновременно, то между ними не может быть причинной связи [Уайтхед 1990].

Контроль нацелен на установление причинности, обеспеченной коммуникацией. Контроль состоит в сокращении степеней свободы в процессе самоотбора событий. Именно поэтому понятие «кондициональности» [Эшби 1966], несомненно, является одним из наиболее важных в системной теории. Кондициональность возникает, как только мы вводим различение, отделяющее ряды возможностей от вынужденного выбирать наблюдателя, который, однако, может выбирать, лишь будучи зависимым от «рабочего пространства», которое он способен видеть. Если мы предполагаем наличие наблюдателей по обе стороны отношений контроля, то мы получим ряды возможностей, отбирающих друг друга и потому испытывающих и решающих проблему «двойной контингентности», столь почитаемую социологами [Парсонс и Шилз 2002; Луман 2007]. Другими словами, коммуникация необходима, чтобы сподвигнуть наблюдателей на самоотбор и сокращение степеней свободы, которое сопутствует ему. Это означает, что должна быть конкретная выгода

в сокращении степеней свободы. Она, например, может заключаться в том, что ожидание относительно того, произойдут или не произойдут специфические явления, станет более определенным.

Контроль, основанный на коммуникации, подразумевает переговоры и заключение своего рода соглашения. Это подразумевает согласие, если не сговор, на обеих сторонах отношения контроля, даже если данное согласие, которое должно быть (ненадежным) симметричным, вместе с тем симулируется для того, чтобы установить (стабильные) асимметричные отношения. Если это звучит макиавеллиански, то это так и есть. Макиавелли был одним из первых, кто думал если не в терминах, то в духе системной теории, так как его внимание было направлено скорее на невероятные механизмы власти, нежели на предустановленный космос добродетелей, гарантирующий порядок, узурпированный государями.

Система есть способ передавать (communicate) контроль, если не существует другого способа контролировать, кроме как коммуницировать (communicate). Это способ рассматривать то, каким образом возможен контроль, если контроль заставляет контролирующего и контролируемого отказаться от степеней свободы, которыми они в противном случае могли бы обладать, и вместо этого заставляет их прибегнуть к коммуникации. Система — это «белый ящик», который возникает из взаимодействия двух «черных ящиков» [Glanville 1979, 1982]. Она обладает более высоким потенциалом рефлексивности, чем целое, которое охватывает систему и окружающую среду, поскольку только сама система знает о степенях свободы, от которых она отказалась. И она знает причины такого отказа (относящиеся и к окружающей среде, и к системе) и возможные пути восстановления этих степеней свободы (что, однако, приведет к разрушению системы). Грегори Бейтсон [Бейтсон 2005] мог бы сказать: «Расскажите мне об ограничениях, которые принимаете вы и ваши союзники, и я расскажу вам о том, какой танец вы сможете с ними станцевать» [Бейтсон 2009].

В этой статье я подробно рассмотрю центральное понятие системной теории, которым в конечном счете является понятие системы. Цель статьи — показать, что даже для Лумана использование понятия системы мотивировано изучением возможного порядка среди окружающих ее шумов. Я рассмотрю понятие «связывающего паттерна» («pattern that connects») [Бейтсон 2005] и «встраивающей матрицы» («matrix that embeds») [von Foerster, 1997]. Однако самый важный момент вполне может заключаться в том, что введение понятия системы равносильно введению понятия ее абсолютной непредсказуемости. Основанием для этого служит то, что система подразумевает нелинейную рекурсию, что равносильно непредсказуемости [von Foerster 1997: 47]. Интерпретация (translation) этой

интуиции Никласом Луманом состояла в том, что необходимо развивать рациональность и мораль, конституированные способностью «мгновенно адаптироваться к возникающим ситуациям». Эти рациональность и мораль он видел институированными не только в сознании модерна и постмодерна, но также и в большинстве сложных социальных систем, таких как политика, экономика, право, наука, искусство и образование.

Данная статья постарается прояснить смысл некоторых понятий, которые эпистемологически подкрепляют понятие системы. Системная теория, согласующаяся с интеллектуальным духом Лумана, вполне может быть истолкована как попытка покончить со всяким привычным пониманием системы. Эта теория в некотором отношении является деконструкцией ее центрального понятия. Теория Лумана никогда не оставляла подобных деконструктивных притязаний. Его исследования организаций [Luhmann 1964, 1968] покончили с предположениями о [существовании] «функций», «иерархий», «целей» и «рациональности». Его исследования по «староевропейской» семантике [Luhmann 1980–1995] обошлись без понятий «субъект», «свобода», «нация», «природа» и «культура». И прежде всего его теория общества [Луман 2011], которая всегда была его единственным «проектом», в конечном счете лишила понятие общества какого-либо содержания, кроме как в высшей степени невероятной способности к самовоспроизводству, даже после того, как оно достигло столь сложного состояния и динамики, как наше общество. Луман всегда старался наблюдать за «кочевниками» (gypsies) [Baecker 1999; Luhmann 1996], пересекающими те самые границы, которые он рассматривал как способы, посредством которых общество дифференцирует, поддерживает и воспроизводит себя. Он всегда знал (как и Дюркгейм), что чем отчетливее проявляются эти границы, тем большее значение будет иметь их воспроизводство. Эдмунд Гуссерль, один из немногих мыслителей, которыми он восхищался (другими были Талкотт Парсонс, Хайнц фон Ферстер и Умберто Матурана), видел возможность защитить «дух Европы», только удостоверившись в том, что «кочевники, пересекающие его границы», будут оттуда исключены (см. [Гуссерль 1986]). Луман думал иначе.

Интеллект системы

Возможно, нет идеи более системно-теоретической по духу и по тому, как она разрабатывалась, чем идея о том, что любая часть суммы обладает большим интеллектом, чем сама сумма [Винер 1958]. Благодаря этой идее всякое мышление в терминах возможно-

го порядка обретает почву под ногами. Даже если целое гарантирует определенный порядок, всегда есть часть, к интеллекту которой обращаются, чтобы (in order) заручиться поддержкой этого порядка (order). И мотивы (reasons for) части отличны от мотивов целого, если таковые вообще имеются. Это в том числе подтолкнуло Джамбаттисту Вико, Карла Маркса и Антонио Грамши к тому, чтобы настаивать на идее существования человеческой и социальной практики, «находящей основание в самой себе», если цитировать Стенли Кэвелла [Cavell 1989]. В качестве примера исследования медленного (и античного: [Вернан 1988]) развития староевропейского мышления в направлении идей самоорганизации и осетевления смотри главу о самоописаниях общества в шедевре Никласа Лумана «Общество общества» [Луман 2011].

Вопрос, однако, заключается в том, почему целое обладает меньшим интеллектом, чем любая из его частей. Ответ Готтхарда Гюнтера [Günther 1976: 317–18] на этот вопрос состоит в том, что целое охватывает окружающую среду или, лучше, отличие от окружающей среды дает возможность субъекту рефлексировать относительно самого себя (см. также [Лакан 1999]). Это «ведет к неожиданному заключению *о том, что части Универсума обладают большей рефлексивной мощью, чем,* как считалось долгое время, *он весь в целом*» [Gunther 1976: 318]. Целому не хватает разума постольку, поскольку оно неспособно отрефлексировать свою окружающую среду. Вместо этого оно пытается поглотить любую окружающую среду и настаивать на своей собственной целостности. Помимо прочего, это создает стимул, который ведет скорее не к рефлексии, а к генерализации и абстрагированию. При этом утрачиваются все детали и особенности, отличие которых от остальных деталей и особенностей нам необходимо для того, чтобы развивать интеллект.

Вторая причина заключается в том, что интеллект возникает там, где некая сущность может принимать во внимание свой недостаток знания и вести поиск недостающего знания среди других сущностей, которые, предположительно, находятся в лучшей позиции для производства искомого знания [Baecker 1994]. Интеллект начинается со способности заменить знаниями других собственное не-знание.

Это также предполагает необходимость быть отличенным от окружающей среды, которая становится пространством поиска недостающего знания. Причина, по которой системная теория принимает ограничения, налагаемые введением концепта системы (системного концепта?) (подумайте над фразой Лумана [Луман 2007]: «Нижеследующие размышления исходят из существования систем»), состоит в выгоде, извлекаемой из осмысления различения между системой и окружающей средой. Интересно, что современное мышление, как отмечает Луман [Луман 1995: 144–6], вводит по-

нятия «milieu», «окружающая среда» и «Umwelt» именно тогда, когда больше не может распознать что-либо «внешнее»:

- Все «эксклюзии», и в особенности эксклюзии «варваров», трансформированы в «инклюзии». Мишель Фуко смог показать этот процесс со всеми последствиями. Наши представления о знании и власти становятся знанием о нас самих и властью над нами самими, и тем не менее именно это они должны делать невидимым.
- Большая часть философий деконструирует всякое представление о «внешнем», вводя такие понятия, как непознаваемая *вещь-в-себе* (Кант), абсолютный *дух* (Гегель) или онтологическое *эпохэ* (Гуссерль). Для Гегеля как раз исключение является исключенным, когда все понятия могут либо перейти в свою противоположность, либо быть снятыми понятием более высокого уровня, конституируя тем самым буржуазную семантику.
- «Культура» изобретается в обществе модерна с тем, чтобы преобразовать все возможные различения между потенциальными образами жизни в способы их сопоставления. Эти способы сопоставления больше не исключают, но, скорее, в высшей степени гибко проводят различия между инклюзиями.
- Ирония подобного исключения исключений, что также отмечает Луман [Luhmann 1995], заключается в том, что в то же самое время, как современное общество утрачивает понятие «внешнего», оно, кажется, производит это внешнее в доселе беспрецедентном масштабе, исключая две трети мирового населения из процесса участия в политике, экономике, праве, образовании, здравоохранении и даже религии (церковной религии). В отсутствие понятия о внешнем исключение оказывается неявным. Это происходит просто потому, что в мире все больше и больше людей, которые просто не могут быть приняты в расчет данными системами общества. У них нет адресов, денег и доступа к массмедиа, сертификатов или рекомендаций.

Понятия «milieu», «Umwelt», «окружающая среда» отсылают к «внешнему» внутри мира. Они способствуют конституированию организмов, систем и личностей в качестве их обратной стороны. Жизнь сама по себе понимается как взаимное отношение между организмом и нишей, которую он занимает (Клод Бернар). Лишение организма его окружения может убить его. Иначе говоря, поведение личности является тем, чем оно является, поскольку соотносит эту личность с его или ее окружающей средой и таким образом является функцией «поля», состоящего одновременно из личности и окружающей среды. Если мы удалим личность из определенной окружающей среды, мы получим другую личность. Нас учили не верить этому, так как это способ, посредством которого мы можем

научиться выходить из определенных окружающих сред и входить в другие, однако это не меняет истинности данного наблюдения.

Расколотая причинность

Схожим образом обстоит дело с системами. Система — это не механическое устройство, обеспечивающее прекращение споров и контролирующее все внутри себя. Наоборот, система — это в высшей степени рискованная «пляска», обеспечивающая различение системы и ее окружающей среды, которое является единственным способом обеспечения воспроизводства системы. Понятие системы оставляет идею каузального упорядочения мира посредством приписывания причин и следствий различным явлениям этого мира. Вместо этого оно исходит из предположения, что всегда существует слишком много и слишком мало причин и слишком много и слишком мало следствий, которые можно было бы принять во внимание. Оно раскалывает причинность на две части. Первый и неопределенный, хотя, возможно, разрушительный и, возможно, столь же стимулирующий тип причинности, оказывает влияние на систему ее окружающей среды. Всякая детерминация, осуществляемая данным типом причинности, уже является результатом деятельности (performance) системы, «приведением в действие» («enactment») [Weick 1979] окружающей среды системой. Второй тип причинности состоит в самодетерминации системы посредством ограничительных условий, в которых она оказалась и /или которые она готова принять.

Это два типа причинности, которые являются более чем слегка сомнительными для классического научного мышления, поскольку первый тип является причинностью *неопределенной*, а второй — причинностью *круговой*. Они парадоксальны в том, что отрицают ту самую причинность, которую они утверждают. Первый тип предполагает причины, которые не вызывают следствий, и следствия, которые не вызваны причинами; второй тип предполагает следствие, являющееся причиной его собственной причины. Ни один из типов не существовал прежде, кроме как в рамках определенных форм мистического мышления. Вот почему они в высшей степени сомнительны. Тем не менее они заново открыты системной теорией и ей используются. Системная теория сама по себе представляется в некоторой степени «танцующей» — поэтому в эстетическом мышлении можно обнаружить больше ее родственников, чем в классическом научном мышлении. Однако положение понемногу меняется по мере того, как научное мышление обретает большую способность принимать во внимание нелинейность феноменов, рассматриваемых системной теорией.

Данные представления о контроле и причинности идут вразрез с идеей, что системная теория является прежде всего «холистским» типом мышления, принимающим во внимание обратные связи, которые склонно игнорировать техническое мышление, рассматривающее факты изолированно и поддерживаемое «объективистским» мышлением («объективизм» позволяет отсечь дальнейшие аргументы путем социальной привязки наблюдателя). Системная теория не является способом обеспечить единство и целостность мира, рассматриваемого в качестве единой системы. Вместо этого она говорит об «экологическом» единстве «разума и природы» [Бейтсон 2009], которое обеспечивается всеми системами, ищущими [возможности] воспроизводства в своей окружающей среде и потому создающими коэволюционное давление, которое другие системы либо выдержат и используют, либо оставят без внимания, рискуя собственным исчезновением. Единство, о котором говорит системная теория, — это не единство целого, но единство экологически связанных друг с другом систем, где нет какой-либо «суперсистемы», чтобы обеспечивать и организовывать экологию, не говоря уже о том, чтобы телеологически направить ее в лучшее будущее.

Теория коммуникации

Данные соображения о системах не могут позволить ответить на вопрос, как следует мыслить коммуникацию. Мы обратимся к другой книге, которая стала даже более важной и дискуссионной, чем «Кибернетика» Винера, и которая, несмотря на ее математическое содержание, далека от однозначного прочтения. Я говорю о «Математической теории коммуникации» Клода Е. Шеннона и Уоррена Уивера [Shannon и Weaver 1969]. Каждый полагает, что у нас есть четкое представление о коммуникации, которая представляет собой передачу содержания сообщений от отправителя к получателю по каналу с возможными помехами в виде шума. И едва ли не каждый, обучавшийся гуманитарным или социальным наукам, поспешит отбросить данное представление как чисто техническое и неспособное принять во внимание семантические (не говоря уже о прагматических) аспекты коммуникации.

Легко отсылать к (to quote) Шеннону и Уиверу, которые жаждут заключить в скобки вопросы семантики. Тем не менее необходимо знать, что вопросы в скобках на самом деле не являются вопросами, оставленными без внимания. Наоборот, к их решению походят иным и, возможно, совершенно новым образом, памятуя о том, что они не могут быть разрешены «в лоб». Однако эти проблемы можно

обойти со стороны, сделать нечто, что приведет к снятию (dissolving) проблемы и постановке вопроса по-новому (differently).

Шеннон и Уивер действительно предлагают такое определение сообщения, которое представляет бо́льшую важность для осмысления коммуникации, чем понятия «отправитель», «получатель», «канал», «фактор шума», пускай даже это определение лишь изредка воспринимают всерьез (тем не менее см. [Росс 2009; Бейтсон 2005; Baecker 1999a]). Даже Юрген Реш и Грегори Бейтсон в книге «Коммуникация: Социальная матрица психиатрии» [Reusch, Bateson 1951] не останавливаются на этой проблеме, разрабатывая известное различие между протокольным (report) и командным (command) аспектами коммуникации. Тем не менее Шеннон предложил, на мой взгляд, куда более провокационное, чем его концепции канала, определение коммуникации. Я даже полагаю, что возможно провести исследование столь несхожих с виду философий, как теории медиа Маклюэна, психоанализ Лакана, теория дискурса Фуко, ризоматика Делеза и Гваттари, деконструкция Деррида и социология Лумана, показав, что все они контекстуально (subtextually) разделяют интерес к последствиям данного определения.

Шеннон достаточно невинно определил сообщение как «то, что *выбрано из ряда* возможных сообщений» и продолжил: «Система должна быть спроектирована таким образом, чтобы функционировать при любом возможном выборе, а не только при том, который будет выбран фактически, поскольку таковой еще неизвестен на момент проектирования» [Shannon и Weaver 1949: 31]. По иронии он определил данный аспект как «инженерную проблему» коммуникации, заключив в скобки «семантический» вопрос о том, каков смысл сообщения, ссылкой на «определенные физические или абстрактные сущности». Я бы предложил называть эту инженерную проблему в равной степени и семантической, и прагматической проблемой коммуникации. И я бы заключил в скобки не эти последние проблемы, а идею, что смысл сообщения отсылает к физической или абстрактной данности. Я полагаю, что взаимосвязь инженерной и семантической проблем можно обнаружить только благодаря работе Джорджа Спенсера-Брауна»Законы формы» [Spencer-Brown 1969], а проблему «референции» заключить в скобки благодаря эпистемологии «конструктивизма» (e. g. [Luhmann 1990b]). Книга «Законы формы» понимает различение как производящее смысл, потому что оно разделяет, то есть устанавливает связь между «маркированным пространством» (выбором) и «немаркированным пространством» (рядом возможностей). Конструктивизм же понимает референции как организованные различениями между выборами, а не сущностями, к которым они предположительно отсылают, или наблю-

дателем, снабженным божьей милостью категориями «рассудка» и «чувственности».

Шеннон имел в виду, что можно прочесть букву «C» как «C», только если знать ее принадлежность к латинскому алфавиту и если контекст говорит, что это не число (100), а буква, имеющая значение. Таким образом, ряд возможных сообщений «A, B, C, ... Z» должен быть задан технически, прежде чем «C» как возможное сообщение из этого ряда будет иметь смысл. Тем не менее мы легко можем обобщить данную концепцию и говорить о сообщении в том смысле, что его понимают, принимая во внимание то, что оно является выбором из ряда возможных других сообщений. В случае технического коммуникативного устройства (или кода) ряд иных возможных сообщений технически определен, то есть ограничен.

В случае социальной коммуникации, ее семантики и прагматики ряд возможностей не технически, а социально определен (defined), то есть ограничен. Социальные ограничения (definitions) не так легко выделить, как технические. Тем не менее нам достаточно взглянуть на семантику и прагматику, которые рекурсивно воспроизводят сами себя, чтобы их обнаружить и установить, как эти ограничения (definitions) вырабатываются. Среди опций, предоставляемых набором возможностей, проверка определения (definition) возможностей играет ключевую роль. Данную операцию совершают различные конфликты в отношении своих определения (definition) и (само-референциальные) дискуссии об определениях (definitions), включая язык, который следует предполагать для ведения коммуникации. И если мы примем это во внимание, то обобщенное определение сообщения Шеннона оказывается способным охватить поле коммуникации целиком.

Вместе с тем важно то, что мы понимаем сообщение не потому, что смотрим на «передаваемое» содержание, а потому, что смотрим на выбор, который сделан из ряда иных возможностей. Другими словами, нам необходимо смотреть по обе стороны различения в смысле Спенсера-Брауна [Spencer-Brown 1969]: на выбор, который был отобран, и ряд возможностей, из которого выбор был сделан. Конечно, в случае социальной коммуникации этот ряд возможностей является неопределенным, определенным ничем иным, как социальным кодированием, социальными медиа и ситуациями, которые определяют ориентации различных акторов относительно ситуаций [Парсонс и Шилз 2002; Baecker 1982]. Без «взгляда» на набор возможностей у нас нет шанса вообще что-либо понять. Это легко можно проверить, войдя в церковь, университет, торговый зал, паб или в иную социально определенную ситуацию (а какие для нас не являются таковыми?). Мы становимся «социологами», как только начинаем рассматривать ситуации, определяя их ряд

возможностей при помощи акторов, пробующих эту или другую возможность, увеличивающих (и сокращающих) ряд возможностей, выходя за пределы наблюдаемых возможностей, пытающихся отказаться выбирать и т. д.

В любом случае имеется двойное наблюдение выбираемого сообщения: наблюдение самого сообщения и наблюдение того ряда возможностей, из которого оно выбрано. Отсюда есть по крайней мере два важных следствия. Первое — «принцип герменевтики» Хайнца фон Ферстера [von Foerster и Porksen 1998: 100], который провозглашает, что не говорящий, а слушающий принимает решение о смысле сообщения, поскольку именно его понимание пространства возможностей ограничивает возможный смысл сообщения, и неважно, что имел в виду говорящий. Второе следствие заключается в том, что не существует ни семантики, ни прагматики языка, равно как и любой иной коммуникации, которая не была бы социологической, поскольку чарующий вопрос состоит в том, как, то есть посредством какой работы смысла в обществе, ряды возможностей социально и культурно определяются (defined), наблюдаются и оспариваются.

Вот почему системы вновь выходят на передний план [von Foerster 1981]. Системы прежде всего объясняют, что ряды возможностей существуют до того, как выбрана конкретная возможность. Во-вторых, ряд возможностей не дан, а воспроизводится посредством выборов, которые (будучи запомненными, забытыми и заново открытыми) его рекурсивно конституируют, подобно «структурам» Энтони Гидденса, которые используются и воспроизводятся его «действиями» [Гидденс 2005].

Таким образом, коммуникация в действительности подразумевает производство избыточности [Бейтсон 2005]. Она определяет отбираемое сообщение и рядвозможностей, из которых оно отобрано. Вот почему Луман [Luhmann 1971], ссылаясь на Эдмунда Гуссерля, говорит о «горизонте» возможных референций, каждая из которых становится ожидаемой. Коммуникация заключается в проверке (check out) этой избыточности и потому стимулируется как знанием, так *и* незнанием, тем, что было сказано, *и* тем, что не было сказано, определенностью *и* неопределенностью, смыслом включенным *и* смыслом исключенным [Луман 2011].

Именно «форма» Спенсера-Брауна, которая используется в коммуникации, всегда смотрит одновременно на внутреннюю и внешнюю стороны различения. Хотя это очень простой и «математический» подход к коммуникации, он дает представление о наиболее тонких комплексностях коммуникации, так как теперь мы начинаем вникать в процесс фабрикации ряда возможностей в социальных ситуациях. Возможных областей исследования предостаточно:

от матримониального дискурса до судебных процессов, деловых переговоров, организационного поведения и научных теорий и методов.

Конструкция, укорененная в неопределенности

Заниматься системной теорией — значит питать интерес к смещениям атрибуции. Наследуя теории атрибуции [Heider 1958], системная теория пытается прояснить тот факт, что наблюдатель всегда выбирает перспективу наблюдений, то есть выбирает: (a) себя как наблюдателя, который наблюдает то, что*о* он наблюдает, и то, как он это наблюдает, и он выбирает то, (b) приписывать ли «причины» явления самому явлению или же его контексту, ситуации или окружающей среде. Выбор (b), вероятно, зависит от выбора (a). Если вы хотите быть дееспособным актором, то вы склонны настаивать на том, что другие также являются дееспособными акторами, то есть склоняетесь к тому, чтобы приписать действия скорее им самим, нежели их окружению. Если вы знаете, что то*т*, кем вы являетесь, зависит от ситуации, в которой вы находитесь, то вы склонны предположить, что это в равной степени верно и для других.

Но еще до того, как признать, что наблюдатель выбирает себя посредством того, что он делает то, что*о* он делает, и того, как он это делает, ему необходимо обнаружить, что у него есть выбор либо наблюдать «вещь», которая внутренне детерминирована своей сильной индивидуальностью, действующей в соответствии с собственными взглядами (inner-directed), либо наблюдать «медиум», который обусловлен внешне посредством наложенных накладываемых на него форм [Heider 1959]. Обнаружив, что он может делать что-то одно, наблюдатель может также попытаться делать одновременно и то, и другое, переключаться между двумя возможностями, тем самым обогащая собственные перспективы наблюдения и взаимосвязи с изучаемым феноменом. Наблюдатель начинает изменять собственную позицию, вводя степени свободы в свои взаимоотношения с феноменом. Это, конечно, означает, что «белый ящик», в котором он находится вместе с феноменом и благодаря взаимодействию с феноменом, постоянно видоизменяется и способен поддерживать свои изменения только в той мере, в какой наблюдатель и феномен воспринимаются как «черные ящики», которые не могут наблюдать друг друга, однако меняют свое отношение к другому [Glanville 1982]. Это условие «диалога»: вам необходимо допустить, что вы не можете познавать себя в то же самое время, когда вы выявляете возможности взаимодействия.

С самого начала разработки своей теории Никлас Луман был откровенен в вопросе, почему его интересует наблюдение систем: системы — это то что, запускается (put themselves in), как только актор либо его действие пытается обратиться (refer to) к какому-либо феномену [Luhmann 1966]. Они запускаются, поскольку невозможно начать что-либо с чистого листа — ни собственную жизнь, ни взаимоотношения с каким бы то ни было феноменом. Системы, рассматриваемые как не-само-очевидные ряды возможностей, всегда уже там; они возникают, они делают возможным и ограничивают то, что должно произойти, являясь в то же время не чем иным, как отношением между актором и феноменом, которые оба, однако, являются тем, чем они являются благодаря этому отношению.

То, что здесь названо системой, получало часто иное и во многих случаях скорее религиозное название. В этом отношении системная теория является наследницей теологии и в то же время одной из наиболее современных попыток освободить наше мышление от теологии и сделать его более прагматичным. Вместе с тем она противостоит любой попытке «гуманизировать» наше мышление. Здесь нет замены «богов» прежних эпох «человеческими существами». Система — это самоподобная, нелинейная и рекурсивная структура [Turner 1997], которая проявляет себя как латентная структура и на которую любое способное воспроизводить «само себя» явление вынуждено опираться в процессе собственного воспроизводства. Система — это то, что мы наблюдаем, когда мы пытаемся увидеть, как осуществляется воспроизводство, которое вынуждено основываться не на чем ином, как на неопределенности следующего события и неустойчивости каждого текущего события. В действительности, система — это то, что мы должны допускать, как только обнаруживаем, что сама неопределенность нашего текущего состояния является медиумом возможности любого контроля [Луман 2011].

Вот почему *«Законы формы»* Джорджа Спенсера-Брауна стали столь значимыми в социологической теории систем [Baecker 1990c]. Они сообщают нам о необходимости пребывать в двоякой неопределенности относительно того, что мы делаем. Любое различение, которое мы можем провести, является отметкой (mark) только в отношении осуществляемой им индикации (indication). Все это справедливо для любого «когнитивного» акта или операции, которую мы можем себе представить, и возможно в равной степени как для социальных, так и для ментальных, органических и физических систем [Bourgine и Varela 1992]. Любая операция воспроизводства, выбирая индикацию (или инклюзию), вынуждена сохранить неопределенность в отношении «немаркированного состояния», которое она исключает. И воспроизводство вынуждено хранить неопределенность

в отношении самой операции, на которую оно опирается, чтобы соединить предшествующие и будущие акты воспроизводства.

Вся конструкция «укоренена» в неопределенности. Сама определенность индикации, то есть внутренней стороны различения, подразумевает неопределенность в отношении внешней стороны различения и самой операции различения («пересечения»). Такова причина, по которой операции воспроизводства должны быть самореферентны [Kauffman 1987, 1996]. Самореференция компенсирует неопределенность конструкции. Она — «инструмент», который системы используют для определения неопределенного от одного случая к другому, принимая во внимание то, что, перефразируя высказывание Хайнца фон Ферстера [von Foerster 1993], мы можем принимать решения только относительно неразрешимых вопросов, иными словами, любая детерминация требует неопределенности для того, чтобы быть в состоянии подтвердить свою состоятельность.

Если мы посмотрим на то, как Спенсер-Браун [Spencer-Brown 1969: 4] представляет форму различения (рисунок 1), то увидим, что из трех единиц, составляющих операцию воспроизводства (индикации, или маркированного состояния, немаркированного состояния и операции разделения маркированного состояния и немаркированного состояния), только одно определяется операцией в момент воспроизводства: это маркированное состояние.

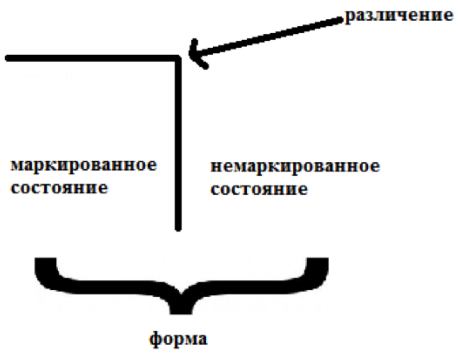


Рис. 1. Форма различения

Оставшиеся две единицы играют вспомогательную роль, но они могут быть реализованы позднее, полагаясь на будущие операции, которые будут иметь свое собственное немаркированное состояние и неподдающуюся наблюдению операцию. Проведение различения является, другими словами, процессом культивирования: мы должны предположить отсутствующее (unavailable), без которого ни-

чего не могло бы произойти. Но если мы посмотрим на него, оно исчезает. Способ обращения с присутствующим (available) определяет, вступает ли в игру отсутствующее или нет. Термин «*difference*» Жака Деррида, который он называет «*forme médiale*», является превосходной моделью подобной конструкции, чья скрытая добродетель состоит в том, что чем более неопределенны условия, в которых вы находитесь, тем в большей степени вы можете быть тем, кто определяет их посредством различения и одновременного производства формы различения, которая возникает вместе с ним.

Принимая подобную математику самореференции, современная наука вновь медленно сближается с мудростью, которую уже разделяют, например, индейский шаманизм, немецкий романтизм и буддизм. Однако это не должно становиться причиной избавления от социологии, которая является своей собственной эпистемологией. Способность «остановить мир» [Кастанеда 2006], объяснить неустранимую *Unverständlichkeit,* запутанность, наших поступков [Schlegel 1967], и спланировать «взаимозависимое возникновение» [Hopkins 1983; Nagarjuna 1986] всего, что мы можем наблюдать в мире, включая нас самих, является не менее чем предварительным условием для возникновения «экологии не-знания», [Луман 1994], которая может быть способной учесть дифференцированное состояние современного общества, с которым мы должны быть способны взаимодействовать как ментально, так и социально.

Заключение

Системную теорию, возможно, лучше всего следует рассматривать как тип мышления, который стремится покончить с понятием системы во всех его традиционных трактовках. Если мы посмотрим на такие понятия, как коммуникация, контроль, кондициональность и расколотая причинность вместе со всевозможными типами самореференции, нелинейности и неопределенности, становится очевидным, что система является понятием, деконструирующим себя с целью выявить, какова может быть его ценность. Это термин, который задействует любые возможные допущения об организме, механизме и информации, чтобы посмотреть, что они будут собой представлять, попав под пристальное внимание системно-теоретического мышления. Это термин, который обострил наше понимание теории, как и некоторых других понятий. Подобно понятию деконструкции [Derrida 1990], оно [понятие системы] не только облекло в слова идею, что теория сегодня состоит во внимательности ко все более увеличивающейся невероятности, если не «невозможности» наших миров социального воспроизводить себя так, как они делали

это раньше. Оно также заставило теорию работать.

Понятие «система», использованное в социологии, обращает внимание на тот факт, что наши традиционные системы не могут воспроизводить себя с той же несомненностью, с которой они это делали раньше (если таковое вообще когда-либо имело место), равно как и на тот факт, что эти системы, несмотря ни на что, до сих пор оказывались в состоянии воспроизводить самих себя. Чем меньше мы понимаем то, как осуществляется воспроизводство системы, тем в большей степени это действительно происходит. (Очевидно, истинно и обратное: чем больше мы полагаем, что понимаем, как воспроизводятся системы, тем меньше они действительно способны это делать.) Социология не готова к тому, чтобы назвать воспроизводство, которое мы не понимаем, эффектом «господства». Вместо этого она ищет дальнейшие способы конституировать и соединять коммуникации, которые, возможно, столь ненавязчивы и в то же время очевидны, что нам не удается их увидеть, поскольку мы приучены смотреть только на вещи, которые изменяются.

Вот почему один из наиболее важных аспектов системно-теоретического мышления состоит в том, чтобы продвигаться медленно, смотреть на вещи еще раз и не спешить с тем, чтобы делать о них заключения. Это, между прочим, единственный урок из учения о деконструкции, который следует уяснить прежде всего. Системно-теоретическое мышление, вне всякого сомнения, движется все еще слишком быстро. (Хотя умение писать много и быстро предполагает способность часто вновь возвращаться к вещам.) С тех пор как и Толкотт Парсонс и Никлас Луман охватили все поле целиком (и они на самом деле не спешили), мы можем продвигаться очень, очень медленно, выясняя, какие теоремы какие феномены способны показать. Нам не следует прыгать, как это делают системы, от одного события к другому, лишь ради того, чтобы показать, что мы так можем. Напротив, мы должны оглядываться назад в каждый момент времени, опять-таки как это делают системы, чтобы увидеть, как мы совершили последний прыжок.

Таким образом, системно-теоретическое мышление является эпистемологическим инструментом для того, чтобы посмотреть, каким образом посредством коммуникации устанавливаются и осуществляются три различения: (a) социальное различение между актором и наблюдателем, (b) экологическое различение между системой и окружающим миром, и (c) темпоральное различение между прошлым, настоящим и будущим. Системная теория начинает рассматривать степени свободы, от которых отказывается современное общество, когда развивает такие структуры, которые: помещают действование (acting) в поле наблюдения; игнорируют окружающую среду и вновь обнаруживают ее в системе; которые

придают особое значение памятному прошлому и неопределенному будущему, превращая настоящее в поле, которое всегда чревато свершением ненадежных выборов. В своей социологической версии системная теория склонна верить, что необходимо исследовать темпоральное различение, чтобы выявить, каким образом может быть пересмотрено экологическое различение; и что социальное различение является медиумом такого исследования.

Вот почему современное общество не стремится принимать какой-либо формат социальных структур как самоочевидный, и вот почему должно быть так много точек зрения (positions) в современном обществе, которые настаивают на этой самоочевидности. Неслучайно, в частности, организации сегодня имеют дело с конкуренцией различных точек зрения (positions), которые утверждают их самоочевидность. Организации являются эвристическим механизмом самодеконструкции общества модерна. В организациях нет ничего самоочевидного; но нигде более самоочевидность не является столь необходимой.

Вместе с тем в отношении общества, равно как и организаций, и интеракций социологическая системная теория обращает внимание на действование (acting) и наблюдение; и отсюда она медленно реконструирует, как позволить времени руководить нашими поступками и как рисковать экстернализациями, которые мы только начали включать в наши наблюдения. Поэтому будущая системная теория, возможно, вообще не будет похожа на системную теорию. Определенно, Никлас Луман был среди тех, кто больше всего удивлялся, когда к нему обращались как к «теоретику систем» даже после участия в конференции или написания статьи, никак (явно) не связанных с понятием системы. Он не верил в системы. Он использовал понятие системы как методологический инструмент, чтобы взглянуть на все то, что исключалось системами. Вот почему его «предварительные методологические замечания» в первой главе книги «Общество общества» [Луман 2011] так важны и так легко понимаются неправильно. Именно в ней, подвергая критике всякое правило, предписывающее сосредоточиться на «позитивных» данных, он настаивал, что каждая система является включением всего того, что она принимает в качестве воспроизводства, равно как и исключением всего остального. Таким образом, нет смысла, который не был бы омрачен невежеством, которое он поддерживает. Социолог должен уметь видеть обе стороны монеты и описывать невежество, сообщаемое (communicated) посредством смысла, который общество и его различные системы жаждут воспроизвести. В этом состоит интеллектуальный ход Лумана, или его способ «социологического просвещения», — указывать на невежество современного и любого другого общества посредством конкретизации

репродуктивного знания, которое оно применяло в прошлом и способно применить сейчас.

Перевод с англ. Андрея Кузнецова

Библиография

1. *Бейтсон 2005 — Шаги в направлении экологии разума. Избранные статьи по антропологии. КомКнига, 2005.*
2. *Бейтсон 2009 — Бейтсон Г. Разум и природа. Неизбежное единство. Либроком, 2009.*
3. *Вернан 1988 — Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988.*
4. *Винер 1958 — Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио, 1958.*
5. *Гидденс 2005 — Гидденс Э. Устроение общества. Академический проект, 2005.*
6. *Гуссерль 1986 — Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. М.: 1986, № 3.*
7. *Кастанеда 2006 — Кастанеда К. Путешествие в Икстлан. Сказки о силе. София, 2006.*
8. *Лакан 1999 — Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я // Семинары, книга 2. М.: Гнозис, 1999.*
9. *Луман 1994 — Луман Н. Наблюдения современности // Социс, 1994. № 1.*
10. *Луман 2007 — Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.*
11. *Луман 2011 — Луман Н. Общество общества. Логос, 2011.*
12. *Парсонс, Шилз 2002 — Парсонс Т., Шилз Э. К общей теории действия // О структуре социального действия. Академический проект, 2002.*
13. *Росс 1966 — Росс Э. Принципы самоорганизации // Принципы самоорганизации. Москва, 1966.*
14. *Росс 2009 — Росс Э. Введение в кибернетику. Либроком, 2009.*
15. *Уайтхед 1990 — Уайтхед А. Процесс и реальность // Избранные работы по философии. Прогресс, 1990.*
16. *Baecker 1994 — Baecker D. The Intelligence of Ignorance in Self-Referential Systems // Robert Trappl (ed.) Cybernetics and Systems V4, Proceedings of the Twelfth European Meeting on Cybernetics and Systems Research, Vienna, 5–8 April 1994, vol. II. Singapore: World Scientific, 1994. P. 1555–1562.*
17. *Baecker 1999a — Baecker D. Gypsy Reason: Niklas Luhmann's Sociological Enlightenment // Cybernetics and Human Knowing. 1999. Vol. 3 (3). P. 5–19.*
18. *Baecker 1999b — Baecker D. Kommunikation im Medium der Information // Rudolf Maresch and Niels Werber (eds) Kommunikation, Medien, Macht. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999. P. 174–191.*
19. *Baecker 1999c — Baecker D. (ed.) Problems of Form. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999.*
20. *Baecker 1999d — Baecker D. Organisation als System. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999.*

21. *Becker 1982 — Becker H. S. Culture: A Sociological View // Yale Review. 1982, Vol. 71. P. 513–527.*
22. *Bourgine & Varela 1992 — Bourgine P., Varela F. J. (eds) Towards a Practice of Autonomous Systems, Proceedings of the First European Conference on Artificial Life. Cambridge, MA: MIT Press, 1992.*
23. *Cavell 1989 — Cavell S. This New Yet Unapproachable America: Lectures after Emerson after Wittgenstein. Albuquerque, NM: Living Batch, 1989.*
24. *Derrida 1968 — Derrida J. La Difference // Bulletin de la Sogiete Frangaise de Philosophic. 1968. Vol. 63. P. 73–120.*
25. *Derrida 1990 — Derrida J. Some Statements and Truisms about Neologisms, Newisms, Postisms, Parasitisms, and Other Small Seismisms // David Carroll (ed.) The States of 'Theory': History, Art, and Critical Discourse. New York: Columbia University Press, 1990. P. 63–94.*
26. *Glanville 1979 — Glanville R. The Form of Cybernetics: Whitening the Black Box // Society for General Systems Research (ed.) General Systems Research: A Science, a Methodology, a Technology. Louisville, 1979. P. 35–42.*
27. *Glanville 1982 — Glanville R. Inside Every White Box There Are Two Black Boxes Trying To Get Out // Behavioral Science. 1982. Vol. 27. P. 1–11.*
28. *Gunther 1976 — Gunther G. Cybernetic Ontology and Transjunctional Operations // Beitrdge zur Grundlegung einer operationsfahigen Dialektik. 1976. vol. 1. Hamburg: Meiner. (Orig. pub. 1962.). P. 249–328.*
29. *Heider 1958 — Heider F. The Psychology of Interpersonal Relations. London: Wiley, 1958.*
30. *Heider 1959 — Heider F. Thing and Medium // On Perception, Event Structure, and Psychological Environment: Selected Papers. New York: International University Press, 1959. P. 1–34.*
31. *Hopkins 1983 — Hopkins J. Meditation on Emptiness. London: Wisdom Publications, 1983.*
32. *Kauffman 1987 — Kauffman L. H. Self-Reference and Recursive Forms // Journal of Social and Biological Structure. 1987. Vol. 10. P. 53–72.*
33. *Kauffman 1996 — Kauffman L. H. Virtual Logic // Systems Research. 1996. Vol. 13. P. 293–310.*
34. *Luhmann 1966 — Luhmann N. Reflexive Mechanismen // Soziale Welt. 1966. Vol. 17. S. 1–23.*
35. *Luhmann 1971 — Luhmann N. Sinn als Grundbegriff der Soziologie // Jiirgen Habermas and Niklas Luhmann, Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie: Was leistet die Systemforschung? Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1971. S. 25–100.*
36. *Luhmann 1980–1985 — Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik: Studien zur Wis-senssoziologie der modernen Gesellschaft, 4 vols. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1980–1985.*
37. *Luhmann 1990b — Luhmann N. The Cognitive Program of Constructivism and a Reality that Remains Unknown // Wolfgang Krohn, Gtinter Kuppers and Helga Nowotny (eds) Selforganization: Portrait of a Scientific Revolution. Dordrecht: Kluwer, 1990. P. 64–85.*
38. *Luhmann 1995a — Luhmann N. Funktionen und Folgen formaler Organisation. 4th edn, with a Postface, 1994. Berlin: Duncker and Humblot, 1995 (Orig. pub. 1964.).*
39. *Luhmann 1995c — Luhmann N. Jenseits von Barbarei // Gesellschaftsstruktur und Semantik: Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschafi, vol. 4. Frankfurt*

am Main: Suhrkamp, 1995. S. 138–150.

40. *Luhmann 1996 — Luhmann N. Die neuzeitlichen Wissenschaften und die Phanomenologie. Wien: Picus, 1996.*
41. *Luhmann 1997b — Luhmann N. The Control of Intransparency // System Research and Behavioral Science. 1997. Vol. 14. P. 359–371.*
42. *Nagarjuna 1986 — Nagarjuna. The Philosophy of the Middle Way: Mulamadhyamakakarika. Introduction, Sanskrit text, English trans, and annotations by David J. Kalupahana. Albany: State University of New York Press, 1986.*
43. *Ruesch & Bateson 1987 — Ruesch J., Bateson G. Communication: The Social Matrix of Psychiatry. Reprint New York: Norton, 1987. (Orig. pub. 1951.)*
44. *Schlegel 1967 — Schlegel F. Uber die Unverstandlichkeit // Kritische Friedrich-Schlegel-Ausgabe, vol. 2. Paderbom: Schoningh, 1967. (Orig. pub. 1800.). S. 363–372.*
45. *Shannon & Weaver 1963 — Shannon C. E., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. Urbana, IL: Illinois University Press, 1963. (Orig. pub. 1949.)*
46. *Spencer-Brown 1977 — Spencer-Brown G. Laws of Form. New York: Julian, 1977. (Orig. pub. 1969.)*
47. *Turner 1997 — Turner F. Chaos and Social Science // Raymond A. Eve, Sara Horsfall and Mary E. Lee (eds) Chaos, Complexity, and Sociology: Myths, Models, and Theories. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997. P. xi-xxvii.*
48. *von Foerster 1981 — von Foerster H. Observing Systems. Seaside, CA: Intersystems, 1981.*
49. *von Foerster 1997 — von Foerster H. Der Anfang von Himmel und Erde hat keinen Namen: Fine Selbsterschaffung // Albert Muller and Karl H. Muller (eds) 7 Tagen. Wien: Docker, 1997.*
50. *von Foerster 1998 — von Foerster H., Porksen B. Wahrheit ist die Eifindung eines Lilgners: Gesprache filr Skeptiker. Heidelberg: Carl Auer, 1998.*
51. *Weick 1979 — Weick K. E. The Social Psychology of Organizing, 2nd edn. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. (Orig. pub. 1969.)*